

жей к эконому церкви св. Воскресения и к тому, который заведует Гробом Господним. Оба они, и эконом, и ключарь Гроба Господня, повелели мне принести кадило мое с маслом; я же поклонился им с радостью великой и пошел на рынок, купил большое стеклянное кадило, палил чистого деревянного масла без воды и принес к Гробу Господню, когда наступил уже вечер. Я просил того ключаря, а он был один, и постучался к нему. Он отворил двери Гроба Господня, повелел мне снять обувь (каллиги) и ввел меня босым в Гроб Господень с кадиллом, которое я нес своими грешными руками, и приказал мне поставить кадило на Гробе Господнем, и я поставил своими грешными руками в ногах, где лежали пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа; в голове же стояло греческое кадило, на месте груди было поставлено кадило св. Саввы и всех монастырей; таков обычай: всякий год ставят греческое кадило и св. Саввы. По Божеской благодати, те три нижние кадила возжглись, а франкские (фряжское) кадила повешены сверху, и от тех кадил ни одно не загорелось на тот раз, и загорелись только те три одни. Я поставил свое кадило на св. Гроб Господа нашего Иисуса Христа и поклонился честному Гробу Господню, и облобызал с любовью и со слезами место то святое и честное, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа; вышел из Гроба того святого с радостью великой и отправился в свою келью. Утром в великую субботу, в шестом часу дня (около полудня) бесчисленное множество людей собирается перед церковью Воскресения Христова; приходят люди из всех земель: страшники и туземцы из Вавилона, Египта, Антиохии, и со всех сторон стекаются люди несказанно много, и наполняются все те места около церкви и около Распятия Господня; теснота в церкви и около церкви великая; многие задыхаются от этой тесноты; и все эти люди стоят с незажженными свечами и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви попы ожидают с народом, когда придет князь Балдвин со своей дружиной, и тогда отворятся церковные двери, и тогда войдут все люди в церковь с великой теснотой, наполнят ту церковь и ее пристройки, и будет всюду полно в

церкви, и около Голгофы, и на месте распятия и даже там, где находился Крест Господень; все будет полно пародом, и ничего другого не говорят, как неослабно и сильно зывают и вопиют: «Господи, помилуй!» Так что от вопля людей дрожали окрестности; верующие проливали потоки слез; если у кого было и каменное сердце, то и тот мог прослезиться: ибо всякий человек в такую минуту одумывается и вспоминал грехи свои и говорил про себя: «Быть может, Дух Святой не сойдет ради моих грехов!» Так стоят все верующие со слезами и с сокрушенным сердцем; и сам князь Балдвин стоит со страхом и великим смиреннем, проливая потоки слез из очей своих; также стоит и дружина около него у Гроба, близ великого алтаря. Был седьмой час субботы, и князь Балдвин отправился из своего дома к Гробу Господню и с дружиной своей, и все босые и цепие идут с ним. И послал князь в монастырскую церковь св. Саввы, и позвал игумена с его черноризцами; и пошел игумен с братией к Гробу Господню, и я, недостойный, шел тут же с тем игуменом и с братией, и пришли мы к тому князю, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену св. Саввы. И повелел князь игумену св. Саввы и мне, недостойному идти вместе с ними около себя, а другим повелел идти перед собой, а дружинке повелел следовать сзади. И пришли мы в церковь Воскресения Христова к западным дверям, и множество людей заступило церковные двери, и мы не могли войти в церковь. Тогда князь Балдвин повелел своим воинам разогнать людей силой; и проложили сквозь людей дорогу, как улицу, до Гроба Господня, и мы могли таким образом пройти. И пришли мы к восточным дверям Гроба Господня, а князь пришел после нас и стал на своем месте с правой стороны у ограды великого алтаря против восточных дверей Гроба: ибо там устроено высокое место для князя; игумену же св. Саввы он повелел стечь над Гробом со всеми черепцами и с правоверными попами; мне же, недостойному, повелел стать высоко над самыми дверьми Гроба против великого алтаря, так что я видел двери Гроба; двери же Гроба все три замкнуты и запечатаны царской печатью. Латинские же попы стояли в главном алтаре. И был восьмой час